

однако их объединяет иная функция, связанная с упорядочиванием информации. Данная сторона функционирования метафор не отмечена в наиболее полном из известных нам перечне функций метафоры, предложенном В.К. Харченко (Гудков 1994, 395), однако приведенный материал, как нам представляется, убеждает в правомерности выделения такой функции метафор, которую можно назвать таксономической. Независимо от степени новизны произведенного знания метафора, по справедливому замечанию Л.Д. Гудкова, "позволяет иным образом его упорядочить, организовать, сделать доступным для понимания". Таким образом, параллельно с "наивной", доаналитической категоризацией рассматриваемые нами топонимические метафоры осуществляют своеобразную "наивную" таксономию в рамках вторичной – метафорической – картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Беженарь И.С. Вторичная номинация и картина мира // Язык и культура. III Междунар. конф.: Доклады и тезисы докладов: В 3 ч. Киев, 1994. Ч. 3. С. 68.
 Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
 Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994.
 Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. М., 1996.
 Симашко Т.В., Литвинова М.Н. Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь, 1993.
 См.: Фрумкина Р.М., Михеев А.В. и др. Семантика и категоризация. М., 1991.
 Харченко В.К. Функции метафоры. Воронеж, 1991.

Поступила в редакцию 21.01.2002.

Ирина Энгелевна Ратникова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Е.И. ТИМОШЕНКО

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ В РУССКИХ БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Рассматриваются особенности предикативности и способы ее выражения в русских безглагольных конструкциях; отмечается нечеткость модального и временного значения таких конструкций, что предлагается обозначить термином «модально-временная диффузность».

The article is devoted to the special features of predicativity and the ways of its expression in Russian non-verbal constructions. The term «modal-tense diffusion» is proposed for the vague modal and tense meanings of such constructions.

В изучении предложения современный синтаксис разграничивает два аспекта: языковой (системный) и функциональный (речевой, или динамический). Предложение как языковая единица изучается с точки зрения его типовой структуры и семантики, предложение как речевая единица – высказывание – с позиций конкретного речевого функционирования. В речи определенная грамматическая структура (языковая единица) может реализовываться, во-первых, в различных собственно коммуникативных разновидностях (с тем или иным членением на тему и рему в зависимости от ситуации и контекста), во-вторых, в различных структурно-семантических разновидностях, которые называются регулярными реализациями предложения.

Как конситуативно необусловленные неполные регулярные реализации в рамках конструкций с незамещенным компонентом схемы в РГ-80 рассматриваются некоторые безглагольные предложения эллиптического характера – типа *Книга – о детях*, *Мы к тебе*, широко представленные в разговорной речи и в языке некоторых жанров художественной литературы. К таким реализациям относятся: 1) реализации, обусловленные лексико-

семантическим фактором, не содержащие глаголов определенных лексико-семантических групп (речи, движения, конкретного физического действия и т. п.): *Я – о деле*; 2) некоторые безыинфинитивные реализации, отражающие развитие собственных подчинительных связей предикатива: *Можно к вам?* (см. Русская грамматика 1980, 120).

Категория предикативности и способы ее выражения в подобных, а также других безглагольных конструкциях имеют свои особенности, целостное исследование которых не потеряло актуальности до настоящего времени, хотя еще в 1955 г. академик В.В. Виноградов писал о необходимости дифференцированного изучения средств выражения предикативности применительно к различным формам и стилям речи (см. Виноградов 1975, 270). Подобные предположения характерны для разговорного стиля, для диалогической речи, а также для языка художественной литературы – в тех случаях, когда воспроизводится разговорная речь. Языковой материал, анализируемый в статье, извлекался из произведений художественной литературы, в основном драматургических, в которых безглагольные конструкции имеют наибольшее распространение.

Конситуативная необусловленность, отмечаемая для подобных предложений в «Русской грамматике» и других исследованиях (см. Ширяев 1967, 9; Лекант 1986, 156), предполагает прежде всего их способность самостоятельно, без помощи контекста, передать идею пропозиции, т. е. сообщение о событии или положении дел вне модально-временной рамки. Конкретная же модально-временная отнесенность содержания таких предложений во многих случаях зависит от времени протекания тех событий, которые представлены в текстовом окружении, а иногда одновременно от текстового окружения и ситуации. Недаром попытка представить полную реализацию таких конструкций в «Русской грамматике» приводит к необходимости указывать варианты формы: *Я к тебе – Я иду, (приду) к тебе* (Русская грамматика 1980, 120).

Общепринятым в синтаксисе считается положение о том, что основной единицей коммуникации является текст. Суть речевой реализации предложения заключается, как указывает Л.М. Васильев, во взаимодействии «системных значений языковых единиц» с «различными типами неязыкового знания о предмете речи» (Васильев 1988, 6), которое, разумеется, может быть извлечено только из текста. Роль контекстного фона для формирования предикативного значения безглагольного предложения оказывается особенно важной, поскольку оно не содержит глагольной формы, способной своими морфологическими категориями отнести его содержание к тому или иному модально-временному плану.

Отсутствие в предложении глагола-сказуемого или глагольной связки в парадигматике свидетельствует о настоящем времени; в тексте же, для которого, как известно, на первый план выдвигаются синтагматические отношения, содержание такого предложения может иметь отнесенность в прошедшее или будущее время. Ср. значение прошедшего времени, которое приобретает ряд номинативных предложений в следующем контексте.

Светловидов. Поглядел нынче в эту яму (оркестровую. – Е. Т.) – и все вспомнил, все! Яма-то эта съела у меня сорок пять лет жизни, Никитушка! Гляжу в яму сейчас и вижу все до последней черточки, как твое лицо. *Восторги молодости, вера, пыл, любовь женщин!* Женщины, Никитушка! (Чехов).

Эллиптические конструкции под влиянием контекста чаще приобретают значение будущего времени:

Боркин. ...Для вас я на все готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? *Половина приданого – ваша...* То есть не половина, а все берите, все!.. (Чехов);

Боркин. ...Мы мельницу будем строить, и, как только мы объявим, что хотим запруду сделать, как все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а *мы сейчас*: коммен-зиир, – если хотите, чтобы плотины не было, заплатите (Чехов). Несмотря на употребление в рассматриваемом эллиптическом предложении темпорального наречия *сейчас*, временное его значение – будущее. Это, кроме всего прочего, связано с категорией временного порядка, под которым в лингвистической литературе понимается «выражаемое в высказывании и целостном тексте представление однонаправленного потока времени, воплощенного в движении событий» (Бондарко 1995, 108). (Термин «временной порядок» предложен Г. Рейхенбахом в книге «Философия пространства и времени». (см. Бондарко 1995). Для обозначения смены событий в структуре временного порядка используются наречия типа *затем*, *потом* и т. п.; в нашем контексте – *сейчас* – примерно с тем же значением.

Наблюдения показывают, что отличительной особенностью безглагольных конструкций является временная, а также модально-временная диффузность. Временной (или модально-временной) план размыт, нечеток, темпоральное значение предложения не может быть определено однозначно. Эта особенность характерна прежде всего для эллиптических предложений, в которых опущен глагол со значением движения и со значением речевой деятельности. Ср., например:

Иванов. ...*Зинаида Саввишна, я к вам с просьбой...* (Чехов). В этой реплике, с одной стороны, выражается перфектное значение прошлого действия, результат которого имеется в настоящем: «я решился просить, просьба во мне “созрела”, и сейчас у меня есть необходимость ее высказать»; с другой – содержание высказывания связано и с будущим временным планом: «я намереваюсь, сейчас я буду излагать свою просьбу». То же значение обнаруживается в следующих контекстах:

Соня. Скажи мне по совести, как другу, ты счастлива?

Елена Андреевна. Нет.

Соня. Я это знала. *Еще один вопрос*. Скажи откровенно, ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж? (Чехов);

Львов. Мне, Николай Алексеич, нужно серьезно поговорить с вами.

Иванов. Говорите.

Львов. *Я об Анне Петровне*. (Садится). Она не соглашается ехать в Крым, но с вами она поехала бы (Чехов);

Курчаев. Bonjour!

Глумов. Очень рад. Чему обязан?

Курчаев (саясь на место Глумова). *Мы за делом!* (А. Островский). В эллиптическом предложении *Мы за делом* выявляется то же значение перфектности, что и в предыдущих высказываниях, т. е. одновременная отнесенность содержания к прошлому и настоящему; в то же время из контекста ясно, что говорящий выражает свое намерение обсуждать какое-то дело в будущем. Ориентация на будущий временной план в таких случаях в значительной степени связана с семантикой существительных (ср.: *просьба*, *вопрос*), в которой имеются модальные семы намерения, желательности. Модальная же лексика (и не только связанная с областью намерений, желаний) вообще предполагает соотносительность с будущим временем.

Кроме темпоральной, как уже было замечено, эллиптическим предложениям свойственна и модальная диффузность. Мы разделяем точку зрения, в соответствии с которой категория модальности предложения связана не с формально-синтаксическим, а с коммуникативно-синтаксическим аспектом предложения. При таком подходе модальное значение предложения определяется как зависящее не от формы наклонения личного глагола, употребленного в функции сказуемого, а от контекстуальных и интонационных

характеристик предложения (Распопова 1988, 39–43). Высказанные сообщения оказываются тем более справедливыми по отношению к безглагольным конструкциям, так как в них значение объективной модальности вообще не может быть определено на основе каких бы то ни было собственно морфологических показателей. Ср., например, следующие контексты:

– Пока еще не стемнело, нужно по катку пройти, – сказала губернаторша, которой надоело слушать. – *Кто со мной?* (Чехов). Во-первых, объективная модальность этого предложения может быть охарактеризована как реальная, отнесенная в будущий временной план (=«кто пойдет со мной?»); во-вторых, эта модальность может быть охарактеризована и как ирреальная, предполагающая приглашение, побуждение;

– Ну, теперь прощайте, а то вы никогда не умаетесь, и на моей совести будет главное преступление порядочного человека, нечистоплотность... – *Так нынче во Французском!* – И, зашумев платьем, она исчезла (Л. Толстой). Модальное значение выделенного предложения также может быть определено и как ирреальное значение побуждения, и как реальное значение будущего времени – в случае, если героиня просто напоминает о договоренности, имевшей место ранее. В лингвистической литературе отмечалось, что побудительные предложения, выражая модальность побуждения, имеют в то же время футуральную или презентно-футуральную перспективу (Бондарко 1988, 51), – само выражение побуждения осуществляется и совпадает с моментом речи, а действие, к которому побуждают, будет иметь место в будущем – ближайшем или отдаленном.

Побудительная модальность не может быть однозначно установлена и в предложениях, содержание которых говорящий адресует сам себе. В таких случаях не исключается и собственно значение будущего времени, и одновременно выражение побудительности и отнесенности к будущему времени. Ср.:

Глумов (садится к столу). *Эпиграммы в сторону!* Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики (А. Островский). Эллиптическое предложение *Эпиграммы в сторону* может быть трансформировано в «Эпиграммы писать не нужно, не следует» и в «Эпиграммы писать не буду»;

Серебряков. Вот и Леночка. Садитесь, господа. (Пауза). Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. *Впрочем, шутки в сторону*. Дело серьезное... (Чехов).

В связи с отсутствием глагола в предложениях рассматриваемого типа значительно возрастает конструктивная роль лексических средств – прежде всего имени существительного и наречия. Еще В.В. Виноградов отмечал, что имя, наряду с глаголом, является опорой разнообразных синтаксических конструкций (Виноградов 1972, 147). Г.А. Золотова указывает, что именные синтаксемы должны рассматриваться как «главный ключ к синтаксическому механизму русского языка» (Золотова 1988, 11–12). В общей системе языковых средств, способных выразить значение темпоральности в рамках соответствующего функционально-семантического поля, лексическим средствам («лексическим темпоральным конкретизаторам») отводится периферийное положение, хотя и отмечается их существенность для выражения темпоральных отношений (Бондарко 1988, 54–55). В безглагольных же высказываниях они выступают как важнейший элемент формирования временной отнесенности предложения. К таким средствам относятся, например, наречия типа *завтра, вчера, затем, впереди*, предложно-падежные формы типа *через два дня, к ночи, в среду, передо мной* и т. п. Такие слова и словоформы способны передать значение абсолютного или относительного времени или непосредственно – с помощью своих лексических значений – или опосредованно – через переосмысление и актуализацию

темпоральных сем. В безглагольных предложениях они часто выступают в качестве единственного показателя абсолютного времени в предложении. Например:

Иванов (мнется). Дело, видите ли, в том, что *послезавтра срок моему векселю* (Чехов) (значение будущего времени);

Юля. Мне совестно... Я... я душевно к вам расположена. Из всех вы самая лучшая... не гордая... какой у вас миленький ситчик!

Соня. *Про ситчик после*. Говорите... (Чехов) (значение будущего времени при отсутствии глагола);

Так *теперь когда же бал?* – обратилась она к Кити. – *На будущей неделе...* (Л. Толстой). Наречие *когда* в вопросительных предложениях регулярно выступает как показатель соотносительности их содержания с будущим временным планом.

К лексическим средствам выражения темпорального значения предложения относятся также некоторые устойчивые выражения, часто содержащие служебные слова. Например:

Светловидов. Старость... Как ни финти, как ни храбрись и ни ломай дурака, а жизнь уже прожита... *шестьдесят восемь лет уже тю-тю* – мое почтение (Чехов) (значение прошедшего времени);

– Странники бывают разные. Есть и настоящие, которые богоугодные, блюдут свою душу, а есть и такие, что по кладбищу ночью путаются, чертей тешат... да-а! Иной, который странник, ежели пожелает, хватит тебя по башке топором, а *из тебя и дух вон* (Чехов) (при общей контекстуальной обусловленности значения будущего времени фразеологизм *дух вон* самостоятельно выражает значение результативности, перфектности действия);

– ...Так вот, ты знаешь, с кем имеешь дело. И если ты думаешь, что унизишься, *так вот бог, а вот порог* (Л. Толстой) (ирреальная модальность, совмещенная со значением будущего времени).

В современных синтаксических исследованиях получило признание положение о том, что структура и семантика синтаксических конструкций непосредственно связана с особенностями лексических значений входящих в них компонентов, более того – что «синтаксическая структура предложения представляет собой в значительной мере проекцию свойств лексических единиц, из которых она строится» (Кубрякова 1995, 18–19). Конструктивная важность падежных форм имен существительных в предложении оказывается тесно связанной с явлением грамматикализации лексической семантики. Таким образом, предикативное значение некоторых типов безглагольных предложений может выражаться лексико-грамматическими средствами.

Так, в лингвистической литературе отмечается, что некоторые существительные с предлогом *к* в функции предиката (типа *к счастью, к несчастью, (не) к добру, к лучшему* и т. п.) «обозначают оценку действия, события, явления с точки зрения его последствий» (Домашенко 1978, 9). В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой предикативный компонент в указанной падежной форме характеризуется как имеющий значение «логически выводимого следствия»: *Васильева ночь звездиста – к урожаю ягод; Кошка стену дерет – к непогоде; Кошка ложится на загнетку – к морозу. Даль; Видно, слезы-то во сне не к добру, – подумал Антон Иванович*. Гончаров (Золотова 1988, 137–138). Предложения этой разновидности употребляются при предсказании погоды или каких-либо событий. Хотя их принято рассматривать как простые (например, Домашенко 1978), они обладают скрытой полипредикативностью, во всяком случае – полипропозиitivностью (независимо от того, представляет ли собой первый компонент словосочетание или предикативную единицу). В полипропозиitivности подобных предложений заложена потенция временной неоднородности: первый компонент может иметь конкретную референциальную отнесенность и такую же

конкретную отнесенность темпоральную, а второй, указывая на последствия (с оценкой или без нее), всегда обращен в будущее. В целом эти предложения представляют генеритивный тип речи (Золотова 1994, 68), отражающий обобщение опыта и наблюдений людей над какими-то явлениями психической, социальной жизни, состоянием и закономерностями (сменой) природных явлений и т. п. По существу, они представляют собой законченный, автономный микротекст и не нуждаются для передачи модально-временного значения в контекстном фоне. Предложения данного типа отражают логическую пропозицию, т. е. установление человеком определенных каузальных связей между явлениями реального мира. Наряду со следственно-временными в них выражаются и условно-следственные отношения, а поскольку всякое условие гипотетично, имеются основания говорить если не собственно о будущем времени, то, по крайней мере, о футуральной перспективе.

Аналогично выражается модально-временное значение в предложениях, содержащих в качестве предиката форму именительного падежа существительного с отрицанием *не*, – типа *Он не жилец*. Группа существительных, которые выступают в функции предиката в таких предложениях, семантически ограничена: это в основном отглагольные существительные, чаще со значением лица (см. Лекант 1976, 114). При нулевой глагольной связке в данных конструкциях выражается отнесенность к будущему времени. Иногда в их составе может употребляться наречие, например: *Сюда я больше не ездок* (Грибоедов); *Теперь я к нему первый – не ходок* (Федин); ср. также без наречий: *Я тебе не советчик*; *Я твоим глупостям не потатчик*; *Я за чужие грехи не ответчик* и т. п. Эти предложения выражают модальные значения невозможности или нежелательности, а вся область модальных значений, как уже отмечалось, ориентирована на будущий временной план (см. Тимошенко 1998).

Лексико-грамматическим средством выражения предикативности в безглагольных предложениях являются также существительные, переходящие в безлично-предикативные слова, – типа *гибель, смерть, конец, капут, каюк*. Например:

1-й посадский. Монахам жен дадут, монахинь замуж поведут. А кто не пожелает, *тому конец* (А. Островский). Предложения с такими словами в функции предиката также передают значение будущего времени.

Таким образом, в эллиптических и других безглагольных предложениях отсутствие глагола далеко не всегда предполагает значение настоящего времени. Кроме контекста и ситуации, выразителями модально-временной отнесенности предложения выступают лексико-грамматические средства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1988.
- Бондарко А. В. Теория предикативности В. В. Виноградова и вопрос о языковом представлении времени // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. С. 105–111.
- Васильев Л. М. Речевой смысл предложения как результат взаимодействия языкового и неязыкового знания // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Богданов. Л., 1988. С. 5–10.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Виноградов В. В. Основные вопросы изучения синтаксиса предложения // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Домашенко Г. А. Предикативы, соотносительные с именами существительными в двусоставных предложениях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1978.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь. (Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса). М., 1988.
- Золотова Г. А. «Коммуникативная грамматика»: идеи и результаты // Русистика сегодня. 1994. № 3. С. 65–73.
- Кубрякова Е. С. Лексикализация грамматики: пути и последствия // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. К 60-летию чл.-кор. Российской академии наук Ю. Н. Караулова. М., 1995. С. 16–24.
- Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986.
Распопова Т. И. Модальность как коммуникативная категория синтаксиса // Предложение... Указ. пр. С. 39–43.

Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.

Тимошенко Е. И. О предложениях типа *Он теперь не жилец* в русском языке // Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи: Тез. докл. науч. конф. (14–15 окт. 1998 г.). Могилев, 1998. Ч. 1. С. 79–80.

Ширяев Е. Н. Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Поступила в редакцию 30.12.2001.

Елена Ивановна Тимошенко – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

А.Э. ЧЕРЕНДА

ИНАКТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В РАННЕОАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (XVI–XVIII вв.)

На основе семантико-синтаксического анализа предложений с инактивной структурой, извлеченных из текстов XVI–XVIII вв., формально схожих с инактивной структурой современного английского языка, показано, что в рассматриваемый период происходит дальнейшее распространение в языке данной структуры.

On the basis of the semantic and syntactic analysis of sentences with the inactive construction taken from the texts of XVI–XVIII centuries formally similar to the inactive construction of Modern English it has been shown that in the period under consideration a further spreading of the inactive construction takes place in the language.

Категория залога постоянно находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов, что обусловлено многообразием проблем, возникающих в данной области. Ученых интересуют вопросы, связанные с историей развития залоговых противопоставлений в разных группах языков и в отдельных языках, собственно сущность категории залога, а также выделяемые в языках залоговые системы.

Предметом исследования данной работы является распространенная в современном английском языке инактивная структура типа *The glass broke*, *The dress washes well*, *The wood burns* и т. п. Основная проблема, которая возникает в связи с инактивной структурой, заключается в определении ее залогового статуса, а именно: характера выражаемого ею залогового значения, соотношения значения и формы его выражения, места инактивной структуры в залоговой системе английского языка. Сторонники формального подхода относят инактивную структуру к действительному залогу (см. Смирницкий 1959). Основным аргумент – морфологический показатель – сказуемое в форме действительного залога. При содержательном подходе данная структура рассматривается: 1) либо в рамках страдательного залога (см. Шубная 1973), что связано с соотносительностью семантического участника “объект” с синтаксическим актантом “подлежащее”, 2) либо ее залоговый статус интерпретируется как медиальный, в этом случае учитывается “характер отношения участников (субъекта/объекта) на семантическом уровне и характер соотношения элементов семантического уровня с синтаксическим уровнем при переходном и непереходном функционировании глагола” (Давыдова 1991, 17). Интенсивная разработка семантического направления в синтаксисе обусловила проведение семантико-синтаксического анализа инактивной структуры, специфика которой устанавливается с позиции теории глубинных семантико-синтаксических категорий.